

Международные организации и межрегиональные связи во внешней стратегии ЕС: достижения и проблемы

В. О. Лаптёнок

Газпром-медиа, Москва, Россия
viola160596@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5450-869X

Аннотация

Взаимодействие с международными межправительственными организациями (далее — ММПО) и развитие межрегиональных связей — ключевой компонент внешней политики Европейского союза (далее — ЕС, Евросоюз, Союз), направленной на подчинение внешних ресурсов интересам его стратегической автономии. Реализуя эту задачу, ЕС стремится воздействовать на формируемые международными организациями международно-правовые режимы (далее — МПР), которые подлежат имплементации в национальные правовые системы государств. Чем выше степень «встроенности» правовых норм и стандартов ЕС в МПР, тем легче проходит дальнейшее продвижение экономических и политических интересов Союза за пределами его непосредственной юрисдикции. Однако гибридная правовая природа ЕС, его вторичная, производная от суверенных государств правосубъектность создали ситуацию «правового рассогласования» с уставными положениями большинства ММПО, которые, как правило, ограничивают круг полноправных участников своей деятельности суверенными государствами. Возрастающее соперничество крупных держав отмечено глубокой эрозией глобальных механизмов межгосударственного взаимодействия и норм международного права. Асимметричные глобальные взаимозависимости, долгое время скреплявшие структуру мировых производственно-технологических цепочек, трансформировались в инструмент «отключения» соперников от глобальных сетевых структур, побуждая всех участников к поиску путей сдерживания дальнейшей деградации сложившихся механизмов. Международные экспертные сообщества заняты поиском резервных имманентно присущих международному праву возможностей удержания в функциональном состоянии системы коллективной безопасности и недопущения ее взрывного нормативного реструктурирования. Задействуя инструменты междисциплинарного политического и формально-правового анализа, автор рассматривает как положительный опыт использования Евросоюзом межрегиональных связей, так и его ошибки и промахи. Исследование новых торгово-экономических, экологических, технологических и иных барьеров, с которыми сталкивается ЕС, в том числе на фоне турбулентных

взаимоотношений между государствами — членами НАТО, обуславливают актуальность настоящей статьи в контексте исследований функционирования интеграционных объединений с участием России и ее ближайших союзников (ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, БРИКС+ и др.).

Ключевые слова: Европейский союз, правосубъектность, внешние компетенции, договорно-правовые отношения, соглашения «нового поколения», стратегическое партнерство, международные межправительственные организации, межрегиональные связи

Для цитирования: Лаптёнок В. О. Международные организации и межрегиональные связи во внешней стратегии ЕС: достижения и проблемы. *Журнал ВШЭ по международному праву / HSE University Journal of International Law*. 2025. Том 3. № 2. С. 117–137.

Виолетта Олежна Лаптёнок — кандидат юридических наук.

European Union external relations strategy in international intergovernmental organisations and inter-regional relations: acquies and bottlenecks

V. O. Laptsenak

Gazprom Media, Moscow, Russia

viola160596@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5450-869X

Abstract

Engaging with international intergovernmental organisations (hereinafter — IGOs) and resorting to interregional relations potential constitute a central foreign policy priority of the European Union (hereinafter — EU, the Union), aimed at leveraging external resources to advance the Union's strategic autonomy goals. Pursuing this objective, the EU strives to exert influence on the international regulatory regimes generated by international organisations to be further implemented into the national legal systems of states. The more deeply the EU legal norms and standards are integrated into these international regulatory regimes, the easier it becomes for the Union to extend its economic and political outreach beyond its jurisdiction under favourable conditions. However, the EU's hybrid legal status and its secondary, derived from member-states, international legal personality breed a persistent legal inconsistency with the statutory provisions of most IGOs. This often restricts meaningful participation only to sovereign states. International relations are increasingly eroded by the great powers' rivalry undermining international law and the global interstate interaction mechanisms. Erstwhile the lynchpins of world-wide production and technological chains, asymmetric global interdependencies, are now recalibrated into tools for "disconnecting" rivals from global system networking. Prompted to limit further degradation of existing mechanisms, all the parties and the global expert communities are in search for

reserves within the international legal system to maintain collective security in a functional mode and avert a disruptive normative restructuring. Given the new trade and economic, environmental and technological barriers facing the EU and the dissonance-hit NATO, an in-depth interdisciplinary political and formal legal research into the positive aspects EU pragmatic approach to interregional ties as a life-line is adding weight to major international integration initiatives involving Russia and its closest allies (EAEU, CIS, SCO, BRICS+).

Key words: European Union, international legal personality, external competences, treaty legal relations, “second generation” agreements, strategic partnership, international intergovernmental organisations, interregional relations

Citation: Laptsenak V.O. European Union strategy in international intergovernmental organisations and inter-regional relations: *acquis* and bottlenecks. *HSE University Journal of International Law*. 2025. Vol. 3. No. 2. P. 117–137.

Violetta O. Laptsenak — candidate of sciences in law.

Введение

Европейский союз, как никогда ранее, ощущает потребность в укреплении внутреннего единства, технологическом прорыве и развитии надежных отношений с зарубежными партнерами. Высокая зависимость от внешних факторов существенно повышает значимость взаимодействия с ключевыми акторами глобальной политики в деятельности Союза на международной арене.

Брюссель делает основную ставку на разработку новейших технологий «зеленой энергетики»¹, экономику замкнутого цикла, цифровой переход к новому технологическому укладу и широкое применение искусственного интеллекта (далее — ИИ), а также завоевание лидирующих позиций в нормативно-правовом регулировании этих направлений международного сотрудничества. Количество «зеленых» директив ЕС уже превысило пятьсот (Bloor, 2025, p. 218n3). Стремительно «обрастают» нормативным обеспечением и регламентами стандарты цифровизации, использования ИИ и других инновационных технологий, зачастую идущие дальше, чем нормативы многих международных учреждений, специализирующихся в соответствующих сферах деятельности.

С 2026 года действие разработанного ЕС пограничного корректирующего углеродного механизма, то есть обложения штрафной пошлиной

¹ Directive (EU) 2023/2413 of the European Parliament and of the Council of 18 October 2023 Amending Directive (EU) 2018/2001, Regulation (EU) 2018/1999 and Directive 98/70/EC as Regards the Promotion of Energy from Renewable Sources, and Repealing Council Directive (EU) 2015/652 PE/36/2023/REV/2, [2023] OJ L 2023/2413.

импортируемых товаров, выпускаемых на токсичных производствах зарубежных стран, и взимание штрафного сбора распространится на всю продукцию, ввозимую в ЕС. Предусмотрен также механизм, побуждающий третьи государства следовать такой же практике и вводить аналогичные штрафные наценки, — в этом случае на их товары в ЕС не будет распространяться штрафной тариф. ЕС пытается внедрить эти нормативы в международные стандарты, стремясь заинтересовать в них, прежде всего, такие крупные государства, как Индия, Китай и ряд других. С 2012 года прослеживаются признаки внимания к этой проблеме в проектах отдельных региональных блоков, в частности АТЭС, прорабатывавшего возможные меры содействия торговле «экологичными товарами» и снижения тарифов на них в контексте задач по обеспечению устойчивого развития (Bloor, 2025, p. 218n3).

Механизм ЕС по трансграничному регулированию уровня выбросов CO₂² способен, однако, оказать существенное влияние на всю систему международной торговли и уже породил ряд проблем. В ВТО этот механизм оспаривается как протекционистская мера³. Государства Южного полушария также характеризуют его как «экологический протекционизм», замаскированный под «зеленую повестку»⁴.

Внедряемая ЕС система в наибольшей мере затрагивает энергетику, сталелитейную промышленность, цементные заводы, производство удобрений, алюминия, нефтехимическую отрасль, авиаперевозки, целлюлозно-бумажное производство — и, соответственно, интересы Великобритании, Китая, России, США, Турции, Южной Кореи (Sanahuja, 2022, p. 51). Проблемы, накопившиеся в отношениях с этой группой государств, ЕС стремится разрешить за счет активизации альтернативных направлений экономического взаимодействия по линии межрегиональных связей. Параллельно усиливается тяготение Союза к механизмам перекалывания международно-правовой ответственности на третьи государства.

1. Формирование системы стратегических партнерств ЕС

Центральное место во внешнеполитическом арсенале Союза отводится формированию отношений «стратегического партнерства», — как договорно-правового порядка, так и неформальных, — с ведущими

² Proposal for a regulation of the European Parliament and the Council establishing a Carbon Border Adjustment Mechanism {SEC(2021) 564 final} Document 52021PC0564.

³ Beattie, A. (11 December 2019) Is the EU's Green Policy Protecting the Planet or the European Industry? *Financial Times*. <https://www.ft.com/content/0432eb26-15f2-11ea-9ee4-11f260415385>.

⁴ См.: Изменения климата на Земле: Экологическая повестка - инструмент богатых стран против бедных (11 ноября 2024). *Tadviser*. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>.

державами и нарождающимися экономиками. С начала текущего столетия формирование сети партнерств (Müftüler-Baç, Müller, Sus, Vandendriessche, Uzun, Fonts Picas, & Martins, 2024), все более мотивированных установками на «принципиальный прагматизм», модернизированных и адаптированных под задачи «Зеленого пакта для Европы»⁵, встроенных в стратегию цифровизации и ориентированных на адекватное обеспечение критическими ресурсами, стало ключевой составляющей перехода ЕС к соглашениям «нового поколения». Эти соглашения с ведущими экономиками мира и аналогичные форматы взаимодействия в рамках ассоциации рассматриваются Евросоюзом как инвестиция в будущее. Выстроенная ЕС система отношений позволяет говорить о широком спектре преследуемых им внешнеполитических целей и задач.

Происходит переориентация Евросоюза с многосторонних переговоров в рамках ВТО и соглашений «первого поколения» (торговля товарами и тарифы, снижение таможенных пошлин и квот на товары и т.д.) на подписание на много более комплексных двух- и многосторонних соглашений «второго поколения» (об ассоциации, экономическом партнерстве и др.). Новый вектор договорно-правовых отношений отличается высокой нормативной насыщенностью и охватывает расширенный диапазон взаимодействия (движение капитала, инвестиции, конкуренцию, торговлю услугами, защиту окружающей среды, права человека, социальные стандарты, трудовую миграцию, госзакупки, механизмы разрешения споров).

Среди стратегических партнеров Союза выделяется группа традиционных единомышленников — США (при нарастающем столкновении интересов⁶), Канада, Япония и ряд других западных государств, исходный уровень расхождения интересов с которыми относительно незначителен⁷, и другая часть, представленная глобальными соперниками-контрагентами, — прежде всего, это Россия и Китай (Renard, 2016), которые изначально рассматривались как «критически важные» для ЕС стратегические партнеры в экономическом отношении и в сфере безопасности⁸. С 2004 года оформлено стратегическое партнерство ЕС с Индией (Muftuler-Bac,

⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: European Climate Pact (Climate Pact Communication) COM(2020) 788 final.

⁶ Примечательно, что вплоть до настоящего времени стратегическое партнерство между ЕС и США все еще не имеет договорно-правового оформления.

⁷ Стратегическое партнерство с Канадой и Японией, традиционно выступающими контрагентами ЕС, получило официальное оформление относительно недавно — в 2016 и 2018 году соответственно. См.: Ministry of Foreign Affairs of Japan (2018) *Strategic partnership between the EU and Japan* (Tokyo 2018). URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000381942.pdf>.

⁸ Strategic partners progress report for the European Council – 2010. URL: <https://www.asktheeu.org/en/request/379/response/1148/attach/4/Strategic%20partners%20Dec%202010%20disclosable%201.pdf>.

Aydin-Duzgit, Uzun, Martill, Mesarovich, & Schnitzler, 2022, p.16), которая причислена к разряду «ключевых партнеров-единомышленников», тогда как ЮАР отнесена к «региональным стратегическим партнерам» (Renard, 2011, p. 13, 23).

В Европейской стратегии безопасности (2008) к перечню стратегических партнеров добавлены также Бразилия и Мексика, а с 2010 года — Южная Корея (Ferreira-Perreira & Vysotskaya Guedes Vieira, 2016). Заключив первые десять соглашений этого типа со стратегически значимыми государствами и дополнив их соглашениями о партнерстве с шестью ведущими международными и региональными организациями, ЕС таким образом определил круг своих ключевых внешних партнеров (Ferreira-Perreira & Vysotskaya Guedes Vieira, 2016, n30).

Общим знаменателем для всех разновидностей стратегического партнерства ЕС, как правило, выступает нацеленность на третью сторону, будь то государство или регион — метод так называемой «триангуляции», предложенный Т. Ренардом (Renard, 2012), — рассматриваемые или представляемые как источник определенных масштабных проблем или угроз (потоков нелегальных мигрантов, трансграничной преступности, терроризма и т. д.) (Meltem Muftuler-Bac et al, 2022, p. 27n28).

Стратегическое партнерство с другими государствами мотивировано, преимущественно, соображениями «поддержания баланса» (Podadera Rivera & Garashchuk, 2016, p. 1; Maher, 2016) либо текущими приоритетами экономического характера. В число государств, с которыми Евросоюз достиг договоренности о стратегическом партнерстве, вошли также Швейцария, Норвегия и Саудовская Аравия. В качестве кандидатов на включение в этот список рассматриваются соседи ЕС на востоке и юге, а также Турция — член НАТО (Meltem Muftuler-Bac et al, 2022, p. 27n28). В терминах стратегического партнерства ЕС характеризует также свои отношения с Азербайджаном, который, в свою очередь, имеет соглашения о стратегическом партнерстве с восемью членами ЕС (в том числе Италией, Румынией, Хорватией, владеющими активами в энергетическом секторе Азербайджана (Nuriyev, 2008)).

В последние годы эволюция внешнеполитических приоритетов ЕС привнесла существенные коррективы в порядок ранжирования отношений стратегического партнерства. Уже с 2014 года Россия прямо рассматривалась Евросоюзом как «главная стратегическая угроза», а Китай стал «системным вызовом».

На этом фоне наблюдается трансформация торговых соглашений ЕС в торгово-политические с акцентом на повышенные технологические, экологические, социальные, трудовые стандарты. Эти факторы призваны

компенсировать снижение доли ЕС в мировой торговле — в 2024 году в мировом экспорте она составила 14%⁹, а также к 2030 году обеспечить ему выход на уровень объединения, наиболее интегрированного с внешним миром в области информационно-коммуникационных технологий, и в долгосрочном плане — «прорыв» Евросоюза в шестой технологический уклад на основе перевода промышленности и всей экономики на электронную основу и широкого внедрения генеративного ИИ¹⁰.

Не ограничиваясь сферой торговли и инвестиций, внешнеполитические приоритеты ЕС все более смещаются к обеспечению интересов обороны и безопасности. Поиск нормативного потенциала стратегических партнерств и межрегиональных связей активизирован на трех ключевых направлениях, затрагивающих: а) правовые полномочия региональных организаций в сфере коллективной безопасности; б) право, регулирующее обращение к силе (*jus ad bellum*); в) нейтралитет по международному праву и действующие в его рамках ограничения на оказание военной поддержки третьему государству, вовлеченному в вооруженный конфликт (Nasu, 2022, p. 110, 113).

Актуальность этих векторов возрастает по мере осложнения обстановки на европейском континенте, что выражается в динамичном наращивании ведущими государствами — членами ЕС военного потенциала, модификации под новые задачи интерпретации правовой базы, регламентирующей развитие НИОКР в сфере обороны, возможностей ведения «миротворческих операций» и военных действий, а также в отмене прежних табу на поставки летальных вооружений третьим государствам, вовлеченным в вооруженный конфликт и т. д.

Возрастающая напряженность отношений между США и ЕС, ужесточение требований со стороны администрации Д. Трампа с момента его повторного вступления в должность в 2025 году, стремление переложить на Брюссель бремя урегулирования кризиса на европейском континенте — показатели меняющегося характера взаимоотношений между традиционными союзниками по НАТО. Разногласия в отношениях с администрацией Трампа (в первой каденции) в конце 2018 года ознаменовались временным понижением статуса дипломатического представительства ЕС в Вашингтоне с уровня посольства до миссии международной организации. И хотя в марте 2019 года США все же изменили свое решение и статус посольства ЕС в

⁹ Внешняя торговля Евросоюза (16 января 2025). *TAdviser*. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>.

¹⁰ *European declaration on digital rights and principles for the digital decade 2023/C 23/01* PUB/2023/89 OJ C 23, 23.1.2023.

Вашингтоне был восстановлен¹¹, при второй администрации Трампа напряженность во взаимных отношениях США и ЕС лишь усиливается. Председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен заявила о готовности Союза отстаивать свои интересы и реагировать на «любые необоснованные меры Вашингтона»¹².

Признаки дрейфа проявились и в процессе перенаправления Евросоюзом миграционной политики в русло коммунитаризации. Причина тому — склонность некоторых государств-членов к частичной передаче соответствующих полномочий на наднациональный уровень, усиливающаяся на фоне очередных всплесков миграционного кризиса. С 2015 года приграничные государства ЕС Шенгенской зоны осуществляли массовую депортацию и коллективные выдворения мигрантов из государств Евросоюза. Отступления от заявленного в Хартии основных прав ЕС права на убежище (ст. 18), запрета «коллективной высылки» (ст. 19)¹³, несоответствие практики насильственных выдворений международному и европейскому гуманитарному праву и международному праву прав человека оборачиваются для Евросоюза многочисленными судебными исками¹⁴.

Решение наиболее острых проблем осуществлялось Евросоюзом за счет перенесения на территорию государств транзита функций временного содержания и фильтрации нелегальных мигрантов. Эти и другие предпринимаемые Евросоюзом меры по вынесению за периметр своих границ и перекалыванию на третьи государства наиболее проблемных аспектов пограничного контроля и пропускного режима, а, соответственно, и международно-правовой ответственности за возможные правовые эксцессы в вопросах выдворения и реадмиссии (Douma, Eckes, van Elsuwege, Kassoti, Ott, & Wessel, 2021, p. vii) воспринимаются внешними партнерами ЕС как стремление уйти от неблагоприятных международно-правовых последствий. В условиях напряженной геополитической обстановки сегодняшнего дня Евросоюз активно применяет подобный «аутсорсинг ответственности» и перекалывание бремени политико-правовых, финансовых и моральных издержек в рамках реализации других направлений Общей внешней

¹¹ Anderson, E. (4 March 2019) US bumps EU diplomatic status back up after downgrade. *Politico*. URL: <https://www.politico.eu/article/us-bumps-eu-diplomatic-status-back-up-after-downgrade/>.

¹² Liboreiro, J. (22 November 2025) Von der Leyen on Trump: EU will be 'pragmatic' but protect its interests'. *EuroNews*. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2025/01/21/von-der-leyen-on-trump-eu-will-be-pragmatic-but-protect-its-interests>.

¹³ См.: Danish Refugee Council. Pushbacks at EU borders: protecting rights at borders: Are pushbacks illegal? URL: <https://drc.ngo/what-we-do/core-sectors/protection/pushback-protecting-rights-at-borders/>.

¹⁴ Luyten, K. (October 2022) Addressing pushbacks at the EU's external borders. European parliamentary research service briefing PE 738.191, 1.

политики и политики безопасности (далее — ОВПБ) и Общей политики безопасности и обороны (далее — ОПБО).

2. Взаимодействие ЕС с международными и региональными организациями

Обладая самым многочисленным дипломатическим корпусом в мире (Leonard & Bildt, 2019), ЕС осуществляет системный мониторинг применения важных для него международно-правовых режимов. Свою совместную деятельность с ООН и ее специализированными учреждениями, фондами и программами Евросоюз осуществляет в 170 странах мира¹⁵. Постоянные представительства ЕС, согласно ст. 32 Договора о Европейском союзе (далее — ДЕС), «содействуют выработке и реализации общих подходов» и, в соответствии со ст. 221 Договора о функционировании ЕС (далее — ДФЕС), действуют по принципу «одного окна». Общее руководство деятельностью этих дипломатических миссий осуществляется Верховным представителем по иностранным делам и политике безопасности (ст. 221(2) ДФЕС), координация обеспечивается Европейской службой внешних действий (далее — ЕСВД).

ММПО, созданные первичными субъектами международного права и международных отношений — суверенными государствами, действуя на региональном или глобальном уровне, разрабатывают международно-правовые режимы, правовые нормы и принципы и способны оказывать существенное влияние на развитие международного сотрудничества в сферах своей специализации. В сравнении с государствами, правосубъектность ММПО вторична и ограничена их учредительными актами. Эти организации могут действовать лишь в рамках своих уставов и не обладают полномочиями, выходящими за определенные ими пределы.

Эволюция вывела Евросоюз на уровень наднационального образования, гибридный государствовообразный статус которого (Кашкин, 2014, с. 33) — промежуточный между квази-(кон)федерацией и межправительственной организацией — придает ему характер уникального (*sui generis*) субъекта международного права. Институционально-правовая конструкция ЕС сочетает элементы конфедерации (межгосударственные договоры, центральная роль национальных правительств в развитии интеграционных процессов, суверенитет государств-членов в сфере обороны и налогообложения), федерации (добровольный характер объединения,

¹⁵ EU–UN: Global Partners Working Together to Promote International Peace, Security, Human Rights and Sustainable Development (September 2022). URL: https://www.globalpartnership.org/node/document/download?file=document/file/White%20Paper_Bilateral%20And%20Multilateral%20Partners%202021_1.pdf.

разграничение компетенций, наднациональные институты, верховенство права ЕС; общие внутренняя политика, валюта, официальные символы и единый рынок) и региональной организации (международно-правовая основа деятельности, многоуровневая структура, постоянно действующие органы, наделение полномочиями и их ограничение государствами-членами). Имеет место постепенное усиление наднациональных начал (значительная автономия ряда институтов, наличие исключительной наднациональной компетенции, централизованное принятие решений обязательного характера, прямое действие правовых норм, наднациональный судебный надзор) при сохранении межправительственных механизмов (сохранение самостоятельности суверенных участников, принцип равенства, решения на межправительственной основе с использованием согласительных процедур и взаимного согласия и др.).

Опыт ЕС в той или иной степени учитывался в процессе интенсивного становления обширных интегрированных экономических пространств в разных регионах мира: в Северной Америке — НАФТА (1994)/ЮСМКА (2020); в Южной Америке — Общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР, 1985), Союза южноамериканских наций (УНАСУР, 2004 /2008); в Азии — АСЕАН (1967) и АТЭС (1989); в Африке — Африканского союза (2002), Общего рынка стран Восточной и Южной Африки (КОМЕСА, 1993); на постсоветском пространстве — поэтапно СНГ (1991), ЕврАзЭС (2000), ЕЭП (2012), ЕАЭС (2015).

Правовой основой участия ЕС в деятельности международных организаций и многосторонних международных форумов являются ст. 220 и 221 ДФЕС, в совокупности со ст. 3(5) и 21(1) ДЕС позволяющие Евросоюзу поддерживать «необходимые формы сотрудничества» и взаимодействовать с другими субъектами международного права в рамках международно-правовых режимов. Полномочия Евросоюза вступать в отношения и взаимодействовать с международными организациями предусмотрены ст. 209(2) и 211 ДФЕС и позволяют заключать с ними соглашения в интересах достижения целей, установленных ст. 21 ДЕС и 208 ДФЕС. Аналогичные положения предусмотрены в отношении экономического, технического и финансового (ст. 212(3) ДФЕС), а также в области гуманитарного сотрудничества (ст. 214 ДФЕС). В международном праве отношения в рамках установленных компетенций ЕС, предусмотренных в этих целях ст. 216(1) ДФЕС, оформляются соглашением/договором. Внешнее представление интересов ЕС, помимо ключевых направлений ОВПБ и специально оговоренных в учредительных Договорах сфер, согласно ст. 17(1) ДЕС, возложено на Еврокомиссию.

Наряду с ООН и всем комплексом входящих в систему ООН универсальных и специализированных международных учреждений, взаимодействию с которыми ЕС придает приоритетное значение, к разряду важных для Союза стратегических партнеров отнесены такие международные организации и институты, как ВТО, МВФ, Международный уголовный суд. Кроме того, нарастает интенсивность взаимодействия Евросоюза с НАТО (Tangör, 2021; Blanco, 2016), а также с ведущими региональными объединениями и организациями — Советом Европы, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Африканским союзом (АС), Организацией американских государств (ОАГ), Лигой арабских государств (ЛАГ), Организацией исламского сотрудничества (ОИС), Ассоциацией регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Сообществом латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК) и др.

Постулированная статьей 47 ДЕС правосубъектность Евросоюза побуждает Брюссель к утверждению единого присутствия ЕС и его государств-членов на международных форумах и целенаправленным усилиям по обеспечению для себя максимально высокого статуса и уровня участия в деятельности международных и региональных организаций. Возможности такого взаимодействия, однако, зависят от условий и процедур, предусмотренных учредительными документами этих организаций, определяющих статус и диапазон возможного вовлечения внешних партнеров в их деятельность (перечень международных организаций с указанием статуса в них ЕС см.: Missiroli, 2010, n427). Уставы большинства ММПО ограничивают круг своих полноправных участников суверенными государствами.

Решая эту задачу и успешно преодолевая в одних случаях препятствия политико-юридического, дипломатического и организационного характера, возникающие на пути, в других Евросоюз натолкнулся на серьезные проблемы, причем не только формально-правового, процедурного или ситуативного порядка, но даже в виде внутреннего сопротивления со стороны собственных государств-членов. Далекое не всегда, в том числе вследствие сложного характера разграничения компетенций между ЕС и его членами, последние проявляют готовность уступать свои прерогативы участия в деятельности международных структур и форумов.

В обобщенном виде в диапазоне представленности ЕС в международных организациях можно выделить следующие уровни: 1) достаточно редкие случаи наделения статусом полноправного членства с правом голоса при полном замещении участия государств-членов (например, в ряде

специализированных организаций рыболовецкого промысла); 2) не менее редкие случаи полноправного членства с правом голоса параллельно с участием государств-членов, однако, лишь в порядке взаимозамещения при принятии решений и голосовании (либо государства-члены, либо ЕС¹⁶ — например, в ВТО, ФАО, МСЭ, «Кодексе Алиментариус»); 3) статус, приближенный к полноправному членству с правом голосовать по отдельным вопросам (ОЭСР; а также Всемирная таможенная организация (далее — ВТамО)¹⁷, где «составимый со статусом члена» Организации статус, но не само членство¹⁸ был предоставлен еще Европейским сообществам); 4) статус наблюдателя с «расширенными полномочиями» без права голосования (ООН¹⁹); 5) статус специального наблюдателя (Исполсовет Всемирной продовольственной программы ООН, Международная организация по виноградарству и виноделию); 6) классический статус постоянного наблюдателя (в большинстве специализированных учреждений системы ООН); 7) приглашенный наблюдатель на временной или разовой основе (по приглашению государств, являющихся членами таких организаций, либо по приглашению секретариатов этих организаций); 8) консультативный статус (при Форуме по сотрудничеству в области устойчивого развития и др.); 9) и, наконец, отсутствие какого-либо статуса. Как было отмечено Судом ЕС в деле *Commission v Council (FAO)*, в ситуациях так называемого смешанного представительства в международной организации, когда допускается членство, как ЕС, так и его государств-членов, они обязаны (ст. 2 и 3(3) ДЕС) действовать в

¹⁶ Совместное, наряду с его государствами-членами, участие ЕС в голосовании возможно лишь там, где принципом принятия решений является консенсус и количество голосов значения не имеет.

¹⁷ Council decision of 25 June 2007 on the exercise of rights and obligations akin to membership ad interim by the European Community in the World Customs Organisation (2007/668/EC). OJ L 274/11; Proposal for a Council Decision on the accession of the European Communities to the World Customs Organisation and the exercise of rights and obligations akin to membership ad interim (presented by the Commission). Commission of the European Communities. COM(2007) 252 final. 2007/0087 (ACC). Brussels, 14.5.2007.

¹⁸ Полноправное членство в этой организации Евросоюз сможет обрести лишь после ратификации всеми ее 185 членами поправки, внесенной в соответствующий пункт Конвенции ВТамО, разрешающий вступление экономических и таможенных союзов. Хотя ВТамО приняла в 2007 году заявку от на тот момент Европейского Сообщества с просьбой о вступлении, наблюдается тенденция к торможению этого процесса.

¹⁹ A/RES/65/276 Резолюция 65/276 Участие Европейского союза в работе Организации Объединенных Наций, принятая Генеральной Ассамблеей 3 мая 2011 года. За год до принятия этой резолюции при апробации ее первого варианта на ГА ООН в 2010 году Евросоюз неожиданно для себя обнаружил, что государств из числа его «стратегических партнеров» (на тот момент всего их насчитывалось девять) либо воздержались, либо даже выступили против повышения статуса ЕС при ООН.

соответствии с принципом «единства международного представительства»²⁰ и «лояльного сотрудничества»²¹.

Вместе с тем в качестве регионального объединения экономической интеграции Евросоюз выступает стороной более пятидесяти международных (преимущественно, экологических) конвенций ООН, что стало возможным после внесения соответствующих изменений в их тексты. Евросоюз (единственный среди негосударственных субъектов) добился статуса участника таких форумов, как Рамочная конвенция ООН об изменении климата, конференции ООН по устойчивому развитию и по наименее развитым странам и в ряде других.

Лиссабонский договор (ст. 34(1)) существенно повысил внимание к координации действий государств — членов ЕС в международных организациях. Так, «государства — члены ЕС, которые также являются членами Совета Безопасности (далее — СБ) ООН, согласовывают свои действия по всем вопросам» (ст. 34(2) ДЕС). Помимо участия и регулярных выступлений на всех открытых заседаниях СБ, Евросоюз делает заявления также и на большинстве закрытых (процедура допускает возможность приглашения Советом «заинтересованных сторон»). По сути, ЕС стал своего рода самостоятельным субъектом консультативного процесса в СБ.

Со своей стороны, Брюссель в порядке усиления институтов наднациональной надстройки Евросоюза даже прорабатывает варианты учреждения собственного Совета Безопасности по аналогии с Совбезом ООН, где, наряду с ротируемыми местами, будет предусмотрено и постоянное членство с закреплением двух таких мест за государствами-членами, представляющими «восточное крыло» ЕС, и трех — «западное» (Leonard & Bildt, 2019, n43). Некоторые государства Евросоюза, однако, высказывают опасения, что чрезмерная автономность наднациональных институтов, а также их нарастающая «экспансия» в вопросах внешнего представительства могут обернуться «постепенным поглощением» полномочий государств-членов²².

Опасения государств — членов ЕС усиливаются, поскольку Брюссель активно лоббирует отмену национального права вето в вопросах, затрагивающих суверенные прерогативы в сфере внешней политики и обороны. Несмотря на оказавшийся контрпродуктивным опыт использования процедуры принятия решений на основе квалифицированного большинства голосов (далее — КБГ) при распределении потоков

²⁰ ECJ. (15 November 1994). Opinion 1/94 of the Court. Para. 108.

²¹ ECJ. (19 March 1996). Commission of the European Communities v. Council of the European Union. Judgement of the Court. Case C-25/94. Paras. 48, 51.

²² Foreign & Commonwealth Office. (22 July 2013). Review of the balance of competences between the United Kingdom and the European Union: foreign policy, pp. 40–41.

беженцев между государствами Союза в пик миграционного кризиса 2015 года, когда Венгрия, Польша и Чехия отказались принимать их у себя из-за превышения изначальных квот (Leonard & Bildt, 2019, n43), бюрократический аппарат наднациональных институтов ЕС не ослабляет усилий, направленных на расширение практики применения КБГ, причем даже невзирая на угрозы Нидерландов и Венгрии выйти из миграционной системы ЕС. Еврокомиссия, опираясь на рекомендации состоявшейся в 2021–2022 годах Конференции «Будущее Европы», настойчиво расширяет процедурную практику КБГ в таких сферах ОВПБ, как: 1) правозащитная повестка международных форумов; 2) механизмы и процедуры продления режима санкций, а также 3) учреждение и реализация мандатов гражданских миссий в кризисных ситуациях.

Поэтапное упрощение процедурных аспектов принятия решений на наднациональном уровне, лоббирование Брюсселем перехода к практике принятия решений в сфере ОВПБ на основе квалифицированного большинства голосов с целью снижения возможности их блокирования отдельными государствами-членами ЕС, политически мотивированная либерализация Копенгагенских критериев вошли в разряд ключевых направлений, на которых работает наднациональная надстройка Союза.

Совместное участие, наряду со своими государствами-членами, в деятельности ряда международных организаций дает Евросоюзу возможность гибко варьировать формат взаимодействия с внешними партнерами, то обращаясь к прямому участию в переговорном процессе, то ограничиваясь вовлеченностью лишь на уровне своих государств-членов, либо вообще уклоняясь от неблагоприятных ситуаций под предлогом ограниченности своих полномочий.

3. Межрегиональная повестка ЕС

Развитие межрегиональных отношений — стратегия, возведенная ЕС в ранг официальной в контексте поддержания «позитивного внешнего восприятия» его стратегических инициатив и приоритетов деятельности Союза на международной арене.

Бывший председатель Еврокомиссии Ж. М. Баррозу (2004–2014) отнес это направление к ключевым инструментам формирования стратегических партнерств Евросоюза, позволяющих ему выступать в мировой политике уже не только от имени двадцати семи своих государств-членов, но и от имени всей Европы²³. Свою «миссию» ЕС видит в консолидации

²³ Barosso, J. M. (7 September 2010). State of the Union 2010. Speech to the European Parliament, Strasbourg, 8.

региональных интеграционных структур и их вовлечении в мировую экономику²⁴. Предлагая другим региональным объединениям следовать европейской институциональной и договорно-правовой практике и внедряя среди внешних партнеров собственные модели и систему управления, их правовую регламентацию, ЕС пытается придать этому процессу характер тенденции.

Начиная с установок Европейской Стратегии безопасности (2003), уточненных в последующем специальном саммите ЕС (2010) и Стратегией «Глобальный портал»²⁵ (2022), ЕС выстраивает реализацию этого курса через формирование разветвленной сети взаимодействия с региональными объединениями государств Ближнего Востока, Африки, Азии и Латинской Америки.

Новые проекты ЕС, совместно реализуемые с Африканским союзом, Центральной Азией, Тихоокеанским, Сахельским регионами и государствами Африканского Рога, в ряде случаев так и характеризуются как «стратегические»²⁶. Уже длительное время они нацелены на продвижение евроцентричной модели межрегиональных связей, конкурирующей с ориентированными на США (Telò, 2014, p. 1), Китай, Россию²⁷ системами региональной интеграции.

Подписав межрегиональные соглашения с большинством региональных организаций (Panke & Stapel, 2023), Евросоюз активно продвигает по этим каналам собственную региональную альтернативу основам сложившегося миропорядка (Telò, Fawcett, & Ponjaert, 2016. p. 1). Эксперты, разделяющие подходы ЕС, убеждены, что на смену государствам приходят транснациональные корпорации, банки, международные неправительственные организации, региональные блоки. Если государства-нации и национальные экономики — основа международной экономической системы, то основу глобальной системы, утверждают они, составляют производственные цепочки и сети потребления, организуемые и поддерживаемые транснациональными компаниями, осуществляющими деятельность, невзирая на национальные границы и независимо от правительств (Telò, 2014, p65).

²⁴ DGPC Office for Official Publications of the European Communities. (10 July 2004). World Player: The European Union's External Relations, 10.

²⁵ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank The Global Gateway, JOIN/2021/30 final, 14para4.

²⁶ Council of the European Union. (12 July 2021). Globally Connected Europe. Council Conclusions Doc. 10234/21, para 2.

²⁷ Никонов, В. (14 февраля 2024). «Мы – российская цивилизация»: Правительственный час в Госдуме «Об актуальных вопросах внешней политики Российской Федерации». URL: <https://v-nikonov.ru/news/196830/>.

Сорок шесть региональных торговых соглашений (далее — РТС), подписанных Евросоюзом, охватывают Северную Америку, Азию, Тихоокеанский регион. В Латинской Америке — Андское сообщество (в режиме временного применения); государства Центральной Америки. В Южном Средиземноморье соглашения о формировании зон свободной торговли действуют с восемью государствами этого региона (помимо Ливии и Сирии), а также с Турцией. Предварительно объявлено о заключении еще десяти таких соглашений²⁸. В отличие от прежнего этапа, когда среднестатистическое РТС охватывало лишь восемь направлений торговой политики, в основном тарифы и другие меры, современные РТС содержат уже до семнадцати направлений²⁹ (дополняющих ст. V, VIII, X ГАТТ-94, положения Соглашения ВТО по таможенной оценке) (Hofmann, Osnago, & Ruta, 2017, p. 6).

В Латинской Америке, со странами которой у ЕС с 1999 года установлено стратегическое партнерство (Jeger, Cruz, & Luciano, 2022, p. IX), взаимодействие осуществляется с большинством субрегиональных объединений — Андским сообществом, Общим рынком Южной Америки (МЕРКОСУР), Союзом южноамериканских наций (УНАСУР), Центрально-американским общим рынком (ЦАОР), Карибским сообществом (КАРИКОМ). Отношениям здесь присуща возрастающая политическая обусловленность. Коллизионный характер отношений между ЕС и государствами этого региона особенно характерен для аграрного сектора.

В отношении государств Центральной и Восточной Европы до их присоединения к ЕС применялась стратегия предварительных условий получения доступа на рынок ЕС (Копенгагенские критерии) и модель «внешних стимулов» структурных преобразований (Schimmelfennig & Sedelmeier, 2020). Инструментами служили Центральная Европейская инициатива (1989), Инициатива по сотрудничеству в Юго-Восточной Европе (1996), Пакт стабильности и роста (1997), Европейская политика соседства (2004). Регламентированная комплексом правовых актов Европейская политика соседства задала рамки сотрудничества ЕС с шестнадцатью ближайшими соседями — десятью государствами Союза для Средиземноморья и шестью — Восточного партнерства. Взаимодействие ЕС с государствами Центральной и Восточной Европы проходило на основе двусторонних соглашений об ассоциации (Smith, 2003). В последующем этот подход трансформировался в многоуровневую «стратегию соседства», когда

²⁸ См.: WTO. RTAs in force, including accessions to RTAs, by country/territory: regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force. URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>.

²⁹ Hofmann, C., Osnago, A., Ruta, M. (February 2017). Horizontal depth: a new database on the content of preferential trade agreements. World Bank policy research working paper No.7981, 3.

в рамках стратегии «полуоткрытых дверей» распространение на «новых соседей» политики и действия законодательства Союза уже не увязывается однозначно с перспективой их полной интеграции в ЕС, хотя и предполагает образование неких общих структур взаимодействия (Wessel & Ott, 2006, pp. 19, 57).

Специфика целей, преследуемых разными региональными объединениями, и состязательность между ними проявляются во взаимоисключающих договорно-правовых условиях участия в них, как правило, не позволяющих государствам одновременно сохранять лояльность разным альтернативам. Так, в Европе конкурентный характер в зоне «общего соседства» приобрела состязательность ЕС с Евразийским экономическим союзом. «Восточное партнерство» используется ЕС как механизм «привязки» входящих в него государств к Евросоюзу и обеспечения их лояльности ЕС в конкурентной среде с другими интеграционными проектами (Kinyakin & Kucheriavaia, 2019, p. 146). В порядке стимулирования перехода государств-соседей на нормативно-правовое регулирование и стандарты ЕС Брюссель предлагает доступ к своему рынку «на предсказуемых, транспарентных и отвечающих требованиям ВТО условиях» (Dragneva, Delcour, Jaroszewicz, Kardaś, & Ungureanu, 2018, p. 13).

Заострив внимание на Западных Балканах при подготовке к очередному этапу расширения ЕС за счет приема к 2030 году десяти новых членов из числа государств этого региона и Восточного партнерства³⁰, Евросоюз столкнулся с серьезными препятствиями в практической реализации стратегии пространственной экспансии и сохранения стабильного доступа к традиционной ресурсной базе на выгодных для себя условиях торговых соглашений.

Многолетняя практика ЕС по развитию межрегиональных связей имела неоднозначные результаты: от прямого заимствования европейской модели интеграции Африканским союзом до ее неприятия в других регионах, где болезненно воспринимается ущемление национального суверенитета, а модели унификации и приведения к единому стандарту вызывают настороженную реакцию (Лисоволик, 2017, с. 11).

Модель регионального конструирования ЕС обычно ассоциируется с институционально-структурированной архитектурой, подкрепленной нормативным обоснованием, тогда как отношение к формальным институтам, например, азиатских стран, — сдержанное, как отмечает

³⁰ Michel, C. (28 August 2023). Speech by President Charles Michel at the Bled Strategic Forum. SPEECH 631/23.
URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/08/28/speech-by-president-charles-michel-at-the-bled-strategic-forum/pdf/>.

вице-президент Ассоциации международных исследований А. Ачарья (Acharya, 2009). Разные исходные мотивы интеграции — экономические в ЕС и, преимущественно, политические в странах Азии — находят свое отражение и в разнонаправленных векторах интеграционных процессов: к политической консолидации в ЕС и к экономической — в азиатском регионе.

Заключение

В практике реализации внешних компетенций, договорно-правового обоснования и закрепления отношений Евросоюза с внешними партнерами можно выделить три взаимодополняющих направления международного взаимодействия: а) прямые контакты с третьими государствами и опосредованное взаимодействие через б) ММПО и в) межрегиональные связи. Целевая установка — достижение паритетного статуса с ведущими субъектами международного права, продвижение в них собственных приоритетов ЕС.

Международная легитимация европейских стандартов через закрепление в международно-правовых режимах позволяет использовать в последующем эту основу при формировании системы долгосрочных отношений с широким кругом внешних партнеров как в двустороннем, так и в межрегиональном формате, упрощая Евросоюзу процесс продвижения своих экономических и иных интересов за пределами собственной юрисдикции.

Активное обращение ЕС к механизмам аутсорсинга международно-правовой ответственности, пройдя апробацию в сфере миграционной политики, а затем и в рамках использования механизмов ОВПБ/ОПБО на Украине, становится стандартной практикой реализации Евросоюзом внешних компетенций, что позволяет прогнозировать ее распространение на новые сферы внешней деятельности Союза.

Наработанная Евросоюзом и его государствами-членами многолетняя практика участия в деятельности СБ ООН и всей системе международных организаций и спецучреждений обеспечивает Союзу доступ к ключевым механизмам формирования глобальных структур управления.

Кодификация международно-согласованных норм регулирования ограничительных мер экономического характера и устранение «серых зон» в международно-правовом регулировании санкционных механизмов и коллизионной практики экстерриториального применения ограничительных мер в отношении третьих государств, — не только задача, требующая внимания Комиссии международного права, но и императив, способный предопределить перспективы дальнейшей эволюции ЕС.

Список литературы / References

1. Кашкин, С. Ю. (Ред.). (2014). *Право Европейского союза*. Юрайт.
Kashkin, S. Yu. (Ed.). (2014). *European Union Law*. Yurait.
2. Лисоволик, Я. Д. (2017). БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? *Валдайские записки*, 69, 3–11.
Lisovolik, Ya. D. (2017). BRICS-plus: alternative globalization? *Valdai notes*, 69, 3–11.
3. Acharya, A. (2009). *Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism*. Cornell University Press.
4. Blanco, L. F. (2016). The functions of strategic partnership in European Union foreign policy discourse. *Cambridge Review of International Affairs*, 29(1), 36–54. <https://doi.org/10.1080/09557571.2015.1126055>
5. Bloor, K. (2022). *Understanding global politics*. E-International Relations Publishing.
6. Douma, W. T., Eckes, C., Elsuwege, P. van, Kassoti, E., Ott, A., & Wessel R. A. (Eds.). (2021). *The evolving nature of EU external relations law*. Asser Press / Springer.
7. Dragneva, R., Delcour, L., Jaroszewicz, M., Kardaś, S., & Ungureanu, C. (2018). *How bilateral, regional and international regimes shape the extent, significance and nature of interdependencies: EU-STRAT working paper*. Freie Universität Berlin.
8. Erhan, Ç. & Akdemir, E. (Eds.). (2018). *Definition and general assessment of international organisations and regionalism in regional organisations*. Anadolu University Publication.
9. Ferreira-Perreira, L. C., & Vysotswkaya Guerres Vieira, A. (2016). Introduction: the European Union's strategic partnerships: conceptual approaches, debates and experiences. *Cambridge Review of International Affairs*, 23(1), 3–17. <https://doi.org/10.1080/09557571.2015.1130341>
10. Hofmann, C., Osnago, A., & Ruta, M. (2017). *Horizontal depth: a new database on the content of preferential trade agreements*. World Bank policy research working paper No.7981.
11. Jeger, E., Cruz, D. D., & Luciano, B. T. (2022). *Multilateralism and regionalism in challenging times: relations between Europe and Latin America and the Caribbean*. EU-LAC Foundation.
12. Kinyakin, A. A., & Kucheriavaia, S. (2019). The European Union vs. the Eurasian Economic Union: integration race 2.0? *Przegląd Europejski*, 3(3), 135–153. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0013.5846>

13. Lenz, T. (2018). The European Union: a model under pressure. *GIGA Focus Global*, 6.
14. Leonard, M., & Bildt, C. (2019). *From plaything to player: how Europe can stand up for itself in the next five years*. European Council on Foreign Relations Policy Brief: ECFR/294: Strategic Sovereignty. Available at: https://ecfr.eu/publication/how_europe_can_stand_up_for_itself_in_the_next_five_years_eu_foreign_policy/
15. Maher, R. (2016). The Elusive EU-China Strategic Partnership. *International Affairs*, 92(4), 959–976.
16. Missiroli, A. (2010). The new EU 'foreign policy' system after Lisbon: a work in progress. *European Foreign Affairs Review*, 15(4), 427–452.
<https://doi.org/10.54648/eerr2010033>
17. Müftüler-Baç, M., Aydin-Duzgit, S., Uzun, E., Martill, B., Mesarovich, A., & Schnitzler, G. (2022). *Conceptually defining “Global Strategic Partner(ship)”*. ENGAGE Working Paper 13/2022 H2020 Project, 1.
18. Müftüler-Baç, M., Müller, G., Sus, M., Vandendriessche, M., Uzun, E., Fonts Picas, A., & Martins, M. (2024). *Assessing the European Union's external action towards its strategic partners and formulating policy recommendations*. ENGAGE Working Paper Series 31/2024. Available at: <https://www.engage-eu.eu/publications/assessing-the-european-unions-external-action-towards-its-strategic-partners-and-formulating-policy-recommendations>
19. Nasu, H. (2022). The end of the UN? The demise of collective security and its implications for the international law. In E. de Welt & K.M. Sherr (Eds.), *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online* (pp. 110–136).
https://doi.org/10.1163/18757413_02401005
20. Nuriyev, E. (2008). Azerbaijan and the European Union: new landmarks of strategic partnership in the South Caucasus-Caspian basin. *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*, 8(2), 155–167.
<https://doi.org/10.1080/14683850802117773>
21. Panke, D., & Stapel, S. (2023). Navigating regional regime complexity: how and why does the European Union cooperate with regional organisations? *Politics and Governance*, 11(2), 97–108.
<https://doi.org/10.17645/pag.v11i2.6297>
22. Palombella, G. (2009). The rule of law beyond the state: failures, promises, and theory. *International Journal of Constitutional Law*, 7(3), 442–467.
<https://doi.org/10.1093/icon/mop012>

23. Renard, T. (2016). Partnering for global security: the EU, its strategic partners and transnational security challenge. *European Foreign Affairs Review*, 21(1), 9–33. <https://doi.org/10.54648/eaer2016003>
24. Renard, T. (2012). *The EU strategic partnerships review: ten guiding principles*. ESPO policy brief 2/2012. <https://www.egmontinstitute.be/the-eu-strategic-partnerships-review-ten-guiding-principles/>
25. Renard, T. (2011). The treachery of strategies, a call for true EU strategic partnerships. *Egmont Royal Institute for International Relations Paper 45/2011*, 29(5), 1–41. <https://aei.pitt.edu/32321/1/ep45.pdf>
26. Rivera, P. P., & Garashchuk, A. (2016). The conception of EU-Russia strategic partnership: reasons of its failure. *Atlantic Review of Economics*, 1, 1–1.
27. Sanahuja, J. A. (2022). The Green Deal and the new geopolitical Europe. In E. Jeger, D. Duran Cruz, & B. Luciano. *Multilateralism and regionalism in challenging times: relations between Europe and Latin America and the Caribbean* (pp. 1–63). EU-LAC Foundation.
28. Schimmelfennig, F., & Sedelmeier, U. (2020). The Europeanisation of Eastern Europe: the external incentives model revisited. *Journal of European Public Policy*, 27(6), 814–833. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1617333>
29. Smith, K. (2003). EU external relations. In M. Cini (Ed.), *European Union politics* (pp. 229–245). Oxford University Press.
30. Tangör, B. (2021). NATO-EU strategic partnership: where is it heading? *Perceptions*, 26(1), 73–99.
31. Telò, M. (2014). *European Union and new regionalism: competing regionalism and global governance in a post-hegemonic era*. Routledge.
32. Telò, M., Fawcett, L., & Ponjaert, F. *Inter-regionalism and the European Union: a post-revisionist approach to Europe's place in a changing world*. Routledge.
33. Wessel, R. A., & Ott, A. (2006). The EU external relations regime: multilevel complexity in an expanding Union. In S. Blockmans & A. Lazowski (Eds.), *The European Union and its neighbours* (pp. 16–90). TMC Asser Press.